

Лингвокультурологические экскурсии в путевом дневнике Джона М. Тронсона

© 2021

DOI: 10.31857/S013128120016279-7

Иконникова Елена Александровна

Доктор филологических наук, проф. кафедры русского языка и литературы Сахалинского государственного университета. ORCID: 0000-0003-2492-8471.

E-mail: e.ikonnikova@hotmail.com.

Добрычева Анна Александровна

Кандидат филологических наук, проф. кафедры русского языка и литературы Сахалинского государственного университета. ORCID: 0000-0002-6322-3418. E-mail: 21ncdf@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 09.08.2021.

Аннотация:

В статье рассматриваются лингвокультурологические экскурсии в книге Джона М. Тронсона «Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества “Барракуда” с картами и рисунками» (1859). Заметки английского автора в России почти неизвестны. Исключение составляет обращение к этой книге Л.И. фон Шренком в «Очерках физической географии Северо-Японского моря» (1869). Лингвокультурологический вариант прочтения книги связан со знакомством читателей с разными описаниями китайского, маньчжурского, японского, корейского языков, а также языка тунгусов (ошибочно выдаваемом Джоном Тронсоном за нивхский (в книге — гилицкий) язык). Одновременно с этим интересным становится и восприятие народами «Японии, Камчатки, Сибири, Татарии и Китая» английского языка как средства общения с представителями европейской цивилизации. Упоминания автором книги слов из японского, китайского, корейского и других языков считаются как один из первых этапов создания в середине XIX века новых для европейского сознания познавательных концептов культуры народов Дальнего Востока (прежде всего, бытовой сферы жизнедеятельности). Лингвокультурологические описания в путевых заметках Джона Тронсона эпизодические, но обязательные для литературы подобных жанров. Заметки английского путешественника рассматриваются как часть других путевых работ о Дальнем Востоке, а именно: «Фрегата “Паллада”» (1853–1857) И.А. Гончарова. Русский писатель приводит не только личные наблюдения, но и научные сведения о возникновении и бытовании языков других народов. Джон Тронсон вводит слова иноязычного звучания и происхождения и представляет читателям совершенно новые, необычные для европейского сознания реалии. При знакомстве с «новым» миром (через воспроизведение увиденного, услышанного и осмысленного) решаются разного рода просветительские задачи, неразрывно связанные с путешествием и его жанровыми разновидностями (путевыми дневниками, заметками, очерками; приключением и др.).

Ключевые слова:

Лингвокультурология, восточные языки, экзотизмы, путевые заметки, Джон Тронсон, «Барракуда».

Для цитирования:

Иконникова Е.А., Добрычева А.А. Лингвокультурологические экскурсии в путевом дневнике Джона М. Тронсона // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 4. С. 169–177.

DOI: 10.31857/S013128120016279-7.

В 1854–56 годах корабельный врач военно-морского ведомства Великобритании Джон Мортлок Тронсон (J.M. Tronson, 1829–1863) совершил удивительное путешествие, о котором позже рассказал в книге «Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества “Барракуда” с картами и рисунками» (“A voyage to Japan, Kamtschatka, Siberia, Tartary, and various parts of coast of China, in H.M.S. Barracouta with charts and views”, 1859). Широко известная в Европе книга Джона Тронсона (ставшего после возвращения на родину действительным членом

Королевского географического общества) в России до настоящего времени оставалась малоизвестной. Отсылки к книге английского автора делал зоолог и этнолог Л.И. фон Шренк (1826–1994) в своих «Очерках физической географии Северо-Японского моря» (1869)¹. А вот русскоязычная версия главного произведения Джона Тронсона появилась совсем недавно². И сегодня через впечатления английского автора могут быть заново прочитаны произведения русских путешественников по Дальнему Востоку и Сибири: В.М. Головина, П.И. Рикорда, И.А. Гончарова или переизданные в XXI веке труды супругов Г.Н. и А.В. Потаниных³.

«Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» имеет несколько уровней прочтения: не только географический и этнографический (а это свойственно многим произведениям, написанным в жанре документальных путешествий), но и лингвокультурологический, при котором наблюдается, как формировались в европейском сознании собственные народам Дальнего Востока концепты.

Лингвокультурологический вариант прочтения книги предполагает знакомство читателей с разными упоминаниями и описаниями китайского, маньчжурского, японского, корейского языков, а также языка тунгусов (ошибочно выдаваемом Джоном Тронсоном за нивхский (в книге — гиляцкий) язык). Одновременно с этим интересным становится и восприятие народами «Японии, Камчатки, Сибири, Татарии и Китая» английского языка как средства общения с представителями европейской цивилизации. Заметки Джона Тронсона — это частное свидетельство о том, какие народы живут на Дальнем Востоке. Разумеется, что автор «Плавания в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» вовсе не стремится к научным заключениям, но ориентируется на то, что необходимо знать потенциальным путешественникам его времени о разных народах и их языках. При этом книга Джона Тронсона может восприниматься еще и своего рода популярным справочником, предшествующий фундаментальным трудам по восточной филологии и собственно методологическим принципам, лежащим в основе описания языков.

В Японии

Самые первые языковые вставки возникают в главе II и они связаны с описанием встреч британских моряков с местными жителями в Нагасаки. Джон Тронсон замечает, что всюду, в любое время суток слышится приветствие «охайо» и крики лодочников «асинья, асинья». И одновременно с этим автор пишет, что японцы испытывают острую потребность в обучении английскому языку, а сам Джон Тронсон, на непродолжительное время становясь учителем, испытывает от этого только удовольствие.

В главе XV один из абзацев посвящен обзору «успеха японцев в изучении английского языка». Неоднократно Джон Тронсон утверждает, что многие японцы стремились повышать свои знания в английском языке, поэтому часто наведывались на шлюп. Замечает автор книги и то, что японцы и китайцы, имея разные фонетические системы, по-особому искажают произнесение слов со звуком «р»: японцы стремятся соблюдать интонацию и четче, в отличие от китайцев, проговаривают слова с «р».

-
1. Очерки физической географии Северо-Японского моря академика Л.И. Шренка. С двумя картами. Приложение к VI тому записок Имп. Академии наук. № 3. Санкт-Петербург, 1869. С. 8, 91 и др.
 2. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. 416 с. (Морская историческая библиотека).
 3. Потанин Г.Н., Потанина А.В. Сибирь. Монголия. Китай. Тибет. Путешествия длиною в жизнь. М., 2014.

В главе XX вновь рассказывается о «рвении японцев в изучении английского языка». И вместе с тем упоминается о попытках преподавать японский язык членам экипажа «Барракуды». Разумеется, что все приемы в преподавании языка касались только умения слушать, а затем более или менее правильно воспроизводить устойчивые модели, добываясь фонетического сходства. Еще одним из способов в изучении японского языка становится многократное повторение услышанного. При этом Джон Тронсон пишет, что японцы обладают способностью к изучению иностранных языков: выучив слово, осваивают его произношение до тех пор, «пока не овладеют им в совершенстве». При уверенности японцев в том, что их собеседники понимают услышанное, они испытывают «огромное удовольствие» и проговаривают удачные фразы при каждом удобном случае.

Для доказательства того, что японцы среди других народов обладают большей способностью в изучении иностранных языков, Джон Тронсон упоминает об одном знакомом японце, который владеет не только родным языком, но еще голландским, английским и французским.

Описываются Джоном Тронсоном и разные бытовые случаи изучения японцами английского языка. Например, один японский земледelec, отложив свои дела в поле, настоятельно просил членов экипажа «Барракуды» научить его таким словам, как «англичанин», «да», «китель» и «трубка». Добившись подражания произнесения этих слов за короткое время, он вернулся к своим привычным делам, «преисполненный удовольствия» от случайного урока. Или в другом случае Джон Тронсон, рассказывая о встрече с японцами, замечает, что японцы с любопытством разглядывают детальное обмундирование членов экипажа «Барракуда» и непременно хотят запомнить название всех частей одежды на английском языке.

И если взрослые герои книги Джона Тронсона учат язык, прикладывая особые усилия, то японские дети усваивают английский язык быстрее старшего поколения. Так, в одном фрагменте «Плавания в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» описаны дети, легко произносящие такие словосочетания, как: «добрый день», «как дела, англичанин?», «очень хорошо», «иди в таможню». А в другой части своей книги автор приводит связанный короткий диалог в Хакодате с японским мальчиком на английском языке.

В любом месте Японии, на взгляд Джона Тронсона, всегда находились те, кто испытывал острую необходимость знать язык даже на самом элементарном уровне. Но в каждом из таких мест (разумеется, это были портовые города) учили английский язык, подражая произношению и многократному произношению изучаемых слов. В эффективности этого способа был уверен и сам Джон Тронсон: звуковое копирование на слух и повторение помогали ему увеличивать собственный запас японских слов и тем самым расширять знания о новом культурологическом пространстве.

В своих записях Джон Тронсон использует экзотическую лексику — слова из языка той страны, где он находился в момент написания своих заметок. Такие слова обозначают реалии, свойственные исключительно культуре описываемой страны, передают специфику быта, образа жизни и менталитета местных жителей. Эти слова (и, соответственно, явления) незнакомы Джону Тронсону, поэтому он включает их в текст своих путевых заметок и снабжает комментариями, чтобы зафиксировать культурные особенности той или иной страны. Так, автор приводит несколько японских слов («харакири», «нори-моно», «сёгун» и др.), которые даже графически ощущаются как инородные — они взяты в кавычки или выделены курсивом: «Единственным средством передвижения по дорогам Японии из одной местности в другую служат либо лошади, либо *норимоно*, т.е. ящик, очень похожий на собачью конуру и размером, и очертаниями, — по бокам сквозь

железные петли продеты длинные шесты, сам ездок сидит внутри на корточках, а два дюжих носильщика несут его на своих плечах, сменяясь время от времени»⁴.

Кроме этого, Джон Тронсон вводит в своей речи иноязычные аналоги английских слов, таким образом демонстрируя интерес к другой культуре и успехи в понимании японского языка. Например: «Когда нас одолевала жажда, то мы без труда получали воду (мидзу) или чай (тя)»⁵. Или: «Один добродушный монах или священнослужитель, предложил выпить немного *тя*, а также выкурить по трубочке *табако*»⁶.

Это еще не все случаи наречения привычных для Джона Тронсона понятий в словах японского языка. Автор книги, как и сами японцы, создает новые, но уже узнаваемые им самим концепты, которые необходимы для того, чтобы почувствовать себя частью прежде непонятного и неизвестного мира. Одновременно с этим Джон Тронсон почти всегда очерчивает в прежде неизвестном для него месте хорошо узнаваемые культурные реалии своей родины.

В Китае

Языковые впечатления от знакомства с китайцами у автора «Плавания в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» менее заметны, в сравнении с японскими эпизодами. Но при этом Джон Тронсон приводит формы грамматических искажений отдельных слов и грамматических конструкций китайцами. Так, в одном случае описываются китайские привратники, которые не могут правильно на английском языке выразить запрет. Или в другой раз упоминается китайский портной, взявший себя имя Штульц и достаточно просто, но с обилием грамматических ошибок говорящий по-английски. Образчики таких форм выражения мысли Джон Тронсон приводит неизменно, и подобные примеры становятся у него самыми частотными. Например: «Я подошел и произнес обычные слова приветствия: «Чин-чин, фоки», после чего шаг за шагом выманил старика на свет и чистый воздух, куда, судя по бледности его лица, он выбирался крайне редко»⁷. Используемые Джоном Тронсоном слова — это искаженные сочетания китайского «qing-qing» (просить) и английского «folk» (народ).

Как и в случае с японским языком, Джон Тронсон приводит в своих заметках разные экзотизмы («суаньпань», «канга», «ямынь» и др.) и отдельные китайские слова как иноязычные «заменители» английских слов. Например: «Повсюду были разбросаны бумаги и журналы на русском языке, а в одной из кладовок я заметил *суаньпань*, т.е. приспособление, используемое китайцами для ведения счета»⁸. Или: «Как-то раз, решив посетить это предместье города до наступления темного времени суток, я вышел из клу-

4. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 335. (Морская историческая библиотека).

5. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 253. (Морская историческая библиотека).

6. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 325. (Морская историческая библиотека).

7. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 218. (Морская историческая библиотека).

8. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 146. (Морская историческая библиотека).

ба около двух часов пополудни <...> и начал обход с лавки, где торговали ханшином, т.е. спиртными напитками»⁹.

Пишет Джон Тронсон и о том, что проповедующие христианство тайпины обязательно постигают «науки и языки», а если оказываются в Китае, то «напряженно» изучают китайский язык в одном из монастырей Шанхая или Нинбо. Замечает автор книги сложности китайцев в освоении английского языка: «ломаным языком» или «тарабарщиной» называет он варианты неверного употребления слов с фонетическими искажениями и нарушениями грамматики.

Еще один необычный пример, характеризующий «европейский» уровень восприятия чужого письменного языка, у Джона Тронсона связан с представлением своей прогулки по китайскому кладбищу: увидев какой-то часто встречающийся на могильных захоронениях иероглиф и не имея возможности его точно идентифицировать, Джон Тронсон пишет, что это знак похож на изображение последней буквы греческого алфавита — буквы «омега».

По книге «Плавания в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» сложно судить, насколько хорошо воспринимал Джон Тронсон китайскую речь, но в повествовании есть даже упоминания об искаженных китайских словах в речи маньчжуров.

В Сибири и Татарии

В поле внимания путешественника попадают не только японский или китайский языки. Автор «Плавания в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» задается целью описать и языки, проживающих «в Сибири и Татарии» народов. И потому в главе XXXIII возникает примечательное размышление Джона Тронсона о «гиляках» и «словах гиляцкого языка». Только в этой части книги появляется небольшой перечень слов языка инородцев.

Безусловно, что автор путевых наблюдений догадывается, что аналогов таких словарей (пусть даже предельно лаконичных) еще не существует и потому пытается зафиксировать разные группы слов в своей книге. Но, создавая небольшой словарь, Джон Тронсон допускает серьезную ошибку: выдает за слова нивхского языка лексику, бытовавшую у тунгусов. Тем не менее, в словник включены числительные от одного до десяти, названия частей тела (рука, нос, ухо, нога и др., всего 8 слов), названия животных (собака, лосось, олень, медведь и др., всего 7 слов), слова с «природной» семантикой (солнце, море, трава, камень, дождь, лес и др., всего 11 слов), обозначения человека (человек, ребенок), названия орудий охоты (ружье, невод) и некоторые отдельные слова других семантических категорий (обувь, котелок, пуговица и др.).

Исследователям такой выбор лексических единиц представляется интересным, хотя дневниковые записи не дают ответа на вопрос, каким образом составлен словник: носители языка произносили слова «по запросу» или автор записывал все услышанные (а значит, часто употребляемые) слова. Всего Джон Тронсон включает в книгу 45 слов и записывает их латиницей с надстрочными знаками. Одновременно с этим замечает, что тунгусы не выговаривают «р».

В представлении Джона Тронсона описываемый им язык «оказался весьма простым и легко заучивался». Уже имея опыт общения с другими народами Дальнего Востока, Джон Тронсон, по его собственному утверждению, пытался отыскать следы письменности у «народов Сибири и Татарии», показывая для этого образцы письма у китайцев,

9. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 227. (Морская историческая библиотека).

японцев, монголов и маньчжуров. Но, не добившись понимания от своих собеседников о письме, делает вывод, что на берегах Сибири и Татарии живут не владеющие письменной формой коммуникации народы.

В Корею

Обнаруживаются в книге Джона Тронсона и небольшие замечания о двухдневном плавании у берегов Корейского полуострова, когда экипаж корабля пользовался услугами переводчика китайского языка. При этом корейцы не до конца понимали корабельного переводчика, поэтому связанных бесед не было. И, вероятно, из-за этого языковедческие эпизоды у Джона Тронсона предельно лаконичны.

Однако в книге есть описание попытки знакомства корейцев с образцами маньчжурского письма. По словам автора «Плавания в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...», эти действия не имели никакого успеха. При этом, как пишет Джон Тронсон, корейцы с удовольствием читали Евангелие на японском и даже понимали его.

Обращаясь к особенностям языков разных народов, которые встречались на пути следования «Барракуды», Джон Тронсон почти никогда не дает подробных характеристик того или иного языка. Но в случае с корейским языком он пишет следующее: «Звучи корейской речи были нежные и певучие и намного приятнее на слух, чем резкие и неестественные голоса китайских чтецов»¹⁰.

И если японцы и китайцы ассоциируются у Джона Тронсона с определенной открытостью в общении и усердием в изучении английского языка, то подобное совсем не замечается, на взгляд путешественника, у корейского народа. Возможно, все это объясняется ограниченностью по времени, когда «Бараккуда» находилась у берегов Корейского полуострова. Вместе с этим заметно, что автор «Плавания в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» пытается обозреть мир нового для него народа максимально широко, не вдаваясь в частности и излишнюю детализацию (в том числе и языковую).

Косвенные обращения к языкам народов Дальнего Востока

Незримыми героями повествования Джона Тронсона становятся разные владеющие языками народов Дальнего Востока люди: именно с их помощью экипаж «Бараккуды» может вести полноценные переговоры.

Пространство современного Джону Тронсону английского языка расширяется за счет использования не только топонимов местного происхождения, но и слов, отражающих традиции каждого народа. Например, описывая место проживания камчадалов (так он называет ительменов) в посещенном им Петропавловске, он использует традиционные названия жилищ — «юрты» и «балаганы»: «Вообще, туземцы обитают в двух видах жилищ. Первый — это *юрты*, т.е. зимние жилища, которые выглядят как яйцеобразные строения, врытые в землю на глубину более полутора метров. <...> Второй — это *балаганы*, или летние жилища, которые возводятся на сваях на высоте более двух метров от уровня земли»¹¹. Или приводит примеры использования отдельных слов маньчжурского языка: «На острове нас встретили человек пятьдесят маньчжуров,

10. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 370. (Морская историческая библиотека).

11. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 116. (Морская историческая библиотека).

которые глазели на нас с нескрываемым любопытством, восклицая, по обыкновению «сангоуда», т.е. “очень хорошо”»¹².

Именно таким образом Джон Тронсон пытается в какой-то мере воссоздать на страницах своих путевых заметок национальную речевую среду, в которой он и другие члены «Барракуды» оказываются во время своего долгого и экзотического путешествия. Эти свидетельства весьма интересны в лингвокультурологическом ракурсе, так как употребляемая лексика является языковым воплощением ранее неизвестных автору (и, соответственно, его читателям середины XIX века) реалий другой культуры.

Книга Джона Тронсона и современные ей путевые записки

По содержанию «Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» Джона Тронсона совершенно уникально, ведь прежде английские путешественники не обозревали мир Дальнего Востока и Сибири в той полноте, которая оказалась доступной Джону Тронсону. Для сравнения достаточно упомянуть натуралиста Чарлза Р. Дарвина, находившегося в кругосветном плавании на корабле «Бигль» (1831-1836) в течение пяти лет и знакомящегося с естественной историей и геологией Южной Америки, Австралии, Океании и других малоисследованных уголков мира. Книга Джона Тронсона писалась в одно и то же время, когда были созданы и другие, аналогичные по содержанию произведения на русском языке: как, например, «Фрегат “Паллада”» (1853–1857) И.А. Гончарова, «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах» (1862) А.В. Вышеславцева или «Путешествие в Уссурийском крае» (1867-1869), «Монголия и страна тангутов» (1870-1873) Н.М. Пржевальского.

Путешественники XIX века обязательно вводили в свои истории упоминания о тех или иных «языковых» открытиях. И даже Н.М. Пржевальский, в большей степени ориентирующийся на исследования природы и географии новых для его экспедиции мест, фиксировал детали «языкового» поведения в общении коренных народов с гостями. Так, в книге «Монголия и страна тангутов» упомянуто о приветствиях на русском языке китайскими солдатами путешественников.

Однако лингвокультурологические замечания в «Фрегате “Паллада”» И.А. Гончарова (а на момент своего путешествия русский писатель уже был автором романа «Обыкновенная история» (1847)), ставшего в 1860 году членом-корреспондентом Петербургской академии наук по разряду русского языка и словесности, намного шире и глубже, чем у Джона Тронсона. Так, например, называя японский язык «звучным», И.А. Гончаров опирается не только на личные наблюдения, но и приводит разные сведения о возникновении и бытовании языка. Или более обстоятельно описывает особенности других языков. Внимателен И.А. Гончаров и ко всему тому, что имеет косвенное соприкосновение с языками других народов, как-то: пишет о трех подаренных ему на китайском языке книгах (Новый завет, басни Эзопа и работа по географии) или отмечает на каких языках подаются те или иные документы членам экипажа фрегата.

Вероятно, что «филологическая» внимательность И.А. Гончарова объясняется тем, что он был знатоком европейских языков (как известно, он владел французским, немецким и английским), но и масштабом личности самого автора, скрупулезно работавшего с родным языком и внимательно относившегося к другим языкам. Языковые экскурсы у И.А. Гончарова объемны и оригинальны. И если Джон Тронсон соотносит все услышанное, чаще всего, с английским языком, то И.А. Гончаров процедирует иные речевые образы не только в пространстве «русского» мира, но и всей мировой культуры.

12. Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 356. (Морская историческая библиотека).

При этом в некоторых фрагментах книг о путешествии Джона Тронсона и И.А. Гончарова обнаруживается обращение внимания к одним и тем же деталям. Оба автора упоминают о частице «хи», которой японцы выражают согласие с происходящим.

Таким образом, книга Джона Тронсона «Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» примечательна, ко всему прочему, еще и своей репрезентацией отдельной лексики (от экзотизмов до иноязычных вкраплений). Многократно используемые слова и выражения, присущие разным народам Дальнего Востока, очерчивают языковые границы путешествия и делают его более реалистичным. Лингвокультурологические экскурсы книги Джона Тронсона могут восприниматься как один из этапов создания в середине XIX века новых для европейского сознания познавательных концептов культуры народов Дальнего Востока (прежде всего, бытовой сферы жизнедеятельности).

Вводя в книгу слова иноязычного звучания и происхождения, Джон Тронсон представляет читателям совершенно другие, необычные для европейского сознания реалии, при знакомстве с которыми (через воспроизведение увиденного, услышанного и осмысленного) решаются разного рода просветительские задачи, неразрывно связанные с путешествием и его жанровыми разновидностями (путевыми дневниками, заметками, очерками; приключением и др.). Очередное поколение путешественников на Дальний Восток неизменно обращалось к «Плаванию в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая...» Джона Тронсона, чья книга не только информировала читателей о языках восточных народов, но и давала знания о восприятии английской культуры (в том числе и через язык) представителями других национальностей.

Литература

- Очерки физической географии Северо-Японского моря академика Л.И. Шренка. С двумя картами. Приложение к VI тому записок Имп. Академии наук. № 3. Санкт-Петербург, 1869.
Тронсон Дж. Плавание в Японию, на Камчатку, к берегам Сибири, Татарии и Китая на борту корабля Её Королевского Величества «Барракуда» / Дж. Тронсон; пер. с англ. Андрей Сидоров; ил. Владивосток: Рубеж, 2019. (Морская историческая библиотека).

Linguistic and Cultural Sketches in John M. Tronson's Travel Diary

Elena A. Ikonnikova

Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Literature of Sakhalin State University. ORCID: 0000-0003-2492-8471. E-mail: e.ikonnikova@hotmail.com.

Anna A. Dobrycheva

Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature of Sakhalin State University. ORCID: 0000-0002-6322-3418. E-mail: 21ncdf@mail.ru.

Received 09.08.2021.

Abstract:

The article deals with the linguistic and cultural sketches in the book "A Voyage to Japan, Kamtchatka, Siberia, Tartary and various parts of the coast of China; in H.M.S. Barracouta" (1859) by John M. Tronson. The travel notes of the English author remain almost unknown in Russia. The only exception is the reference to this book by Peter Leopold von Schrenck in "Essay on Physical Geography of the Northern Sea of Japan" (1869). The linguistic and cultural content of the book presents to readers various descriptions of the Chinese, Manchu, Japanese, Korean languages, as well as the language of the Tungusic people (mistakenly taken for the Nivkh (in the book — Gilyak) language by John M. Tronson). At the same time, the interest is attracted by the Peoples of „Japan, Kamtchatka, Siberia, Tartary and China” perception of English as a mean of communication with the representatives of the European civilization. The author's reference to the words from Japanese, Chinese, Korean and other languages is being perceived as a pioneering stage in creating in the middle of the XIX century European awareness for the culture of the Russian Far East Peoples (chiefly concerned with living environment). Regardless of being episodic, the linguistic and cultural descriptions in John M. Tronson's travel notes are essential for the similar lit-

erature genres. The notes of the English author are regarded as the part of other travel works on Russian Far East, i.e. “Frigate ‘Pallada’” (1853–1857) by Ivan A. Goncharov. The Russian author provides not only personal observations but also scientific information on the emergence and evolution of the other Peoples languages. John M. Tronson introduces the words of foreign sound and origin, and familiarizes his readers with the realities that are absolutely new and unusual for European conscience. By acquainting with “new” world (through the reproduction of what we see, hear and interpret) different educational tasks that are bound to travelling and its genre varieties (travel notes, sketches, essays, adventures and others) are realized.

Key words:

Cultural linguistics, oriental languages, exoticisms, travel notes, John M. Tronson, Barracouta.

For citation:

Ikonnikova E.A., Dobrycheva A.A. Linguistic and Cultural Sketches in John M. Tronson’s Travel Diary // Far Eastern Affairs. 2021. No. 4. Pp. 169–177. DOI: 10.31857/S013128120016279-7.

References

- Ocherki fizicheskoy geografii Severo-Yaponskogo morya akademika L.I. Shrenka. S dvumya kartami. Prilozheniye k VI tomu zapisok Imp. Akademii nauk [Essays on the physical geography of North Sea of Japan by Academician L.I. Shrenk. With two map. Appendix to the VI volume of the notes of the Imp. Academy of Sciences]. № 3. Sankt-Peterburg. 1968. (In Russ.).
- Tronson Dzh.* Plavaniye v Yaponiyu, na Kamchatku, k beregam Sibiri, Tatarii i Kitaya na bortu korablya Yeyo Korolevskogo Velichestva «Barrakuda» [*Tronson J.* A Voyage to Japan, Kamtschatka, Siberia, Tartary and various parts of the coast of China; in H.M.S. Barracouta] / Dzh. Tronson; per. s angl. Andrey Sidorov; il. Vladivostok: Rubezh, 2019. (Morskaya istoricheskaya biblioteka). (In Russ.).